

22. *Senior R.C.* 2001: Indo-Scythian Coins and History. 2. L.
23. *Tanabe K.* 2008: Not the Buddha but Hercules on the Gold Token from Tillya-tepe: a Review of the Relevant Legends and Images // Religion and Art: New Issues in Indian Iconography and Iconology. Wien, 33–48.
24. *Tarzi Z.* 2000: Vajrapani-Héraclès de la niche V2 de Tape Shotor de Hadda (Afghanistan) // Mélange G. Siebert, 25, Strasbourg, 163–170.
25. *Zeymal E.* 1999: Tillya-tepe within the Context of the Kushan Chronology // M. Alram and D. Klimburg-Salter (Ed.). Coins, Art and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. Wien, 239–244.

AN INDIAN COIN FOUND AT THE EXCAVATIONS AT TILLYA TEPE

A. A. Vigasin

The author comes to the conclusion that on a unique coin from Tillya Tepe in the guise of Hercules was depicted the king, who «turns the wheel» by spreading the Buddhist Dharma.

Keywords: Buddhism, numismatics, Greek-Indian ties.

© 2014 г.

А. Н. Крюкова

ПОЭТИКА СНОВИДЕНИЙ В «МУЧЕНИЧЕСТВЕ МОНТАНА, ЛУЦИЯ, ФЛАВИАНА И ДРУГИХ МУЧЕНИКОВ»

В статье рассматривается изображение сновидений в раннехристианской агиографической литературе на материале «Мученичества Монтана, Луция, Флавиана и других мучеников» (вторая половина III в.) как особый литературный прием; устанавливается место в композиции и функция описаний снов мучеников, а также выявляются средства и приемы изображения сновидений.

Ключевые слова: раннехристианская литература, агиография, мученичества, изображения сновидений в литературе.

Одним из значимых культурных феноменов античности, интерес к которому сохранился и в христианской среде, являются сновидения: уже в Новом Завете содержатся упоминания о снах, а в начале III в. Тертуллиан в трактате «О душе» сформулировал первую христианскую теорию отношения к снам.

Крюкова Анна Николаевна – аспирантка кафедры древних языков и древнехристианской письменности ПСТГУ, г. Москва. Старший научный редактор редакции «Агиография» ЦНЦ «Православная энциклопедия».

Как правило, описания снов в литературе анализируются в двух планах: 1) как выражение культуры, религии и шире – мировоззрения, господствующего в том или ином социуме¹; 2) как особый художественный прием литературного произведения². В данной статье используется второй подход на материале раннехристианской агиографической литературы, а конкретнее на материале «Мученичества Монтана, Луция, Флавиана и других мучеников» (BHL, N 6009)³ (далее: *Passio Montani*). Это произведение было написано на латинском языке на территории Северной Африки во второй половине III в. и относится к группе так называемых «африканских мученичеств», в которую также входят «Мученичество Перпетуи и Фелицитаты» (BHG, N 1482; BHL, N 6633), составленное не позднее 212 г., и «Мученичество Мариана и Иакова» (BHL, N 131), написанное примерно в то же время, что и *Passio Montani*. Помимо общего места и времени создания, а также языка оригинала⁴, все эти произведения имеют еще одну весьма интересную особенность, сближающую их, – в них содержатся описания сновидений, которые видели мученики накануне кончины. При этом следует особо подчеркнуть, что подобного рода описания не встречаются в других ранних агиографических текстах.

Особый интерес к сновидениям проявляли еще языческие авторы Северной Африки (достаточно вспомнить «Золотого осла» Апулея), поэтому неудивительно, что христиане, жившие на данной территории, также уделяли повышенное внимание снам и видениям. Уже при Тертуллиане в африканской Церкви видения, возникающие во время богослужений, тщательно фиксировалось в форме рассказов от первого лица (Tertull. De an. 9. 4; Ad ux. 1.4). Древние христиане были уверены, что сон, который мученик видит накануне казни, посылается ему от Бога и, следовательно, является истинным⁵. Вот почему, находясь в темнице и ожидая допроса, а затем казни, христиане не забывали позаботиться о том, чтобы устно или письменно передать свои воспоминания о снах собратьям, которые впоследствии включали эти рассказы в агиографические повествования⁶.

Прежде чем перейти к анализу изображения сновидений в *Passio Montani*, необходимо сказать о жанровой специфике данного произведения. Его первая часть (1–11) написана в форме соборного послания христиан, арестованных после народного восстания в Карфагене весной 258 г.; выделить в ней главных героев довольно сложно. Вторая часть (12–23) составлена анонимным автором-редактором и напоминает хронику событий последних дней мучеников; ее наиболее значимыми героями являются Монтан и Флавиан. Четыре рассказа о сновидениях в первой части равномерно распределены в ней (5, 7, 8, 11) и, за исключением последнего

¹ Amat 1985.

² Mertens 1986, 5–46.

³ Впервые *Passio Montani* было опубликовано Лаврентием Сурием в 1570 г. и затем по мере нахождения новых рукописей переиздавалось несколько раз с учетом разночтений в тексте. Первым по-настоящему научным изданием является публикация П. Франки де Кавальери (Franchi de' Cavalieri 1898, 71–86). В 1983 г. Ф. Дольбо подготовил новое критическое издание *Passio Montani* (Dolbeau 1983, 39–82), на которое мы опираемся в данной статье.

⁴ Хотя «Мученичество Перпетуи и Фелицитаты» имеет и греческую редакцию (BHG, N 1482), и вопрос о языке оригинала остается открытым, большинство исследователей признают латинскую версию первоначальной (см., например: Heffernan 2012, 60–61).

⁵ Amat 1985, 51. При этом речь идет как о дневных, так и о ночных видениях (*Cyprian*. Epist. 16. 4).

⁶ Pass. Perp. 1. 6; Pass. Mar. 1. 6; Pass. Mont. 12. 4; 21. 1.

сна (сна Монтана), связаны с эпизодическими персонажами (Реном, пресвитером Виктором и некоей Квартиллозией⁷), которые после сообщения о своих видениях исчезают из дальнейшего повествования. Во второй части *Passio Montani* особое место уделяется фигуре Флавиана, и друг за другом последовательно описываются три его сна (21). Такое количество и распределение снов по персонажам заметно отличает *Passio Montani* от других «африканских мученичеств»: в «Мученичестве Перпетуи и Фелицитаты» рассказано о пяти снах, связанных только с главными героями (Перпетуей и Сатуром), а в «Мученичестве Мариана и Иакова» говорится о четырех снах, три из которых также принадлежат главным персонажам (чтецу Мариану и диакону Иакову).

Каждый сон в *Passio Montani* связан с описанием важных событий из жизни арестованных христиан. Так, первый рассказ о сновидении следует после сообщения о том, что христиане были брошены в мрачную темницу и претерпевали там различные лишения (4). Сюжет сновидения Рена⁸, который вводится словами *ostensum est*, достаточно прост: осужденных ведут к месту казни, но выходят только те, перед кем несут зажженные светильники⁹. По-видимому, сон отражает внутреннее беспокойство сновидца, его сомнения по поводу дальнейшей судьбы его самого и других заключенных христиан. Ни место событий, ни имена ведомых на казнь в тексте не названы, что указывает на то, что речь идет об арестованных христианах в целом. Кроме того, все сновидение состоит из образов, в нем вообще нет прямой речи, но для тех, кому Рен рассказал о своем сне, его смысл был понятен и без слов. Сразу после описания сна авторы послания объясняют его: светильник символизирует свет Христа¹⁰, при этом интерпретация подкрепляется аллюзией на стих псалма (Пс. 118, 105). Исходя из этого толкования, можно сделать вывод, что по своей функции сновидение Рена является сном-утешением, а его художественная роль в произведении может пониматься как психологическая, поскольку благодаря сну читатель понимает внутреннее состояние героев.

Вскоре после ободряющего сна Рена христиане подверглись новому испытанию: внезапно в тюрьму пришли римские воины и повели арестованных на допрос. Поскольку приговор пока не вынесли, их вновь поместили в темницу, где пресвитеру Виктору было дано видение, рассказ о котором начинается той же формулой, что и

⁷ В издании Дольбо имя передается как *Quartillosia*, однако, как отмечает сам издатель, такая форма вызывает сомнения, так как не встречается в каких-либо других источниках (Dolbeau 1983, 71). Франки де Кавальери предложил исправить данную форму имени вначале на *Quartillosa* (Franchi de' Cavalieri 1898, 13), а затем на *Quartillascia* (Franchi de' Cavalieri 1909, 6). Один из наиболее авторитетных современных издателей раннехристианских произведений о мучениках Г. Музурилло, основываясь на тексте, опубликованном Франки де Кавальери, и не утвая его дальнейших критических замечаний, оставляет форму *Quartillosa* (Musurillo 1972, 220).

⁸ В ряде рукописей в начале описания нет указания на то, что Рен видел именно сон: *tunc Reno qui nobiscum fuerat adprehensus, ostensum est...*, такое **чтение принято в издании Дольбо** (Dolbeau 1983, 69), при этом в критическом аппарате указывается возможное чтение: *somno apprehenso*, которое принято в издании Музурилло (Musurillo 1972, 216). Однако после рассказа о видении становится ясно, что это был сон, так как говорится, что Рен проснулся (*expergefactus est*).

⁹ *Pass. Mont. 5. 1–2: produci singulos, quibus prodeuntibus lucernae singulae praeferebantur; cuius autem lucerna non praecesserat, nec ipse procedebat. 2. Et processimus nos cum lucernis nostris.*

¹⁰ *Pass. Mont. 5.2: Et ut nobis retulit, laetati sumus fidentes nos cum Christo ambulare, qui est lucerna pedibus nostris, qui est sermo scilicet Dei.*

сон Рена – *ostensum est* (Pass. Mont. 7. 2). Но на этот раз в тексте указано, что Виктор имел именно видение, после которого он вскоре претерпел мученичество¹¹. По сравнению со сном Рена сновидение Виктора имеет более сложную композицию и состоит из диалога пресвитера с неким отроком, т.е. образы в нем дополняются словесным компонентом¹². Уникальность описания сна Виктора состоит еще и в том, что вначале оно передается от лица самого сновидца, а затем его продолжают авторы послания, т.е. впервые мы сталкиваемся с фактом смены рассказчика сновидения. Очевидно, что, как и сон Рена, видение Виктора отражает внутреннее состояние всех арестованных: пресвитеру является некий отрок¹³, который тщетно пытается вывести заключенных из темницы. Этот эпизод указывает на желание христиан освободиться от оков. С другой стороны, во сне проявляются и личные переживания сновидца: Виктор, будучи пресвитером, чувствует ответственность за других заключенных и считает своим долгом призывать их к терпению. Поэтому далее в своем сне он просит небесного юношу дать ему знамение, о котором он мог бы рассказать своим братьям. Однако юноша лишь напоминает ему о лестнице Иакова (Быт. 28. 12–16)¹⁴. Быть может, сам Виктор ожидал чего-то большего от этого видения, но для тех, кто узнал о сне, этого оказалось вполне достаточным для укрепления веры. После рассказа о сновидении авторы послания объясняют его смысл, поясняя, что если не справедливостью, то страданиями они подобны ветхозаветным патриархам¹⁵. Таким образом, сновидение Виктора, с одной стороны, продолжает тему утешения, начатую в сне Рена, а с другой стороны, оно служит для испытания веры христиан, их доверия к Богу.

Непосредственно после описания сна Виктора в *Passio Montani* следует рассказ еще об одном сне, предваряемый стихом псалма: «Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс. 49. 15), который отчасти помогает понять его смысл. На этот раз сон связан с женским персонажем, что, за исключением «Мученичества Перпетуи и Фелицитаты», не встречается в «африканских мученичествах». Однако в отличие от Перпетуи Квартиллозия, сон которой описан в *Passio Montani*, не является главной героиней, и известно о ней совсем немного:

¹¹ Pass. Mont. 7. 2: *Nam Victori presbytero conmartiryi nostro, qui statim post hanc eandem visionem passus est, ostensum est hoc.*

¹² Pass. Mont. 7. 3–6: *puerum huc in carcerem introisse, cuius fuit vultus perlucidus super splendorem inenarrabilem. Qui nos deducebat per omnia loca quaque iremus; egredi tamen non potuimus, et ait mihi. 4. Adhuc modicum laboratis, quia inpedimini, sed fidite quia ego hic sum vobiscum. Et ait: Dic illis quia gloriosorem coronam habebitis, nec non: Ad Deum suum spiritus properans et anima iam proxima passioni sedes suas requisivit. 5. Nam hunc eundem dominum de paradiso interrogavit ubi esset. Cui ille ait: Extra mundum est. Ostende illum mihi, inquit. Et ait illi dominus: Et ubi erit fides? 6. Cumque hic per humanam pusillitatem diceret: Quod me mandas tenere non possum, dic signum quod eis dicam, respondit ei dominus et ait: Dic illis signum Iacob.*

¹³ По мнению Ама, в образе отрока Виктору явился небесный ангел, подобный ангелу, пришедшему к апостолу Петру (Деян. 12. 7–11), поскольку Христос, как правило, предстает во сне в образе юноши (*iuvenis*), а не отрока (*puer*) (Amat 1985, 140).

¹⁴ По мнению Франки де Кавальери, упоминание о лестнице Иакова, отсылает читателя не только к Ветхому завету, но и к «Мученичеству Перпетуи и Фелицитаты», где в одном из сновидений (Pass. Perp. 4) Перпетуя видит высокую медную лестницу, поднимающуюся до небес и символизирующую путь к небесной славе, лежащий через страдания (Franchi de' Cavalieri 1962, 230–233).

¹⁵ Pass. Mont. 7. 7: *Laetanda res, fratres dilectissimi, patriarchis, etsi non iustitia, vel laboribus adaequari.*

вместе с другими арестованными христианами она находилась в тюрьме и видела сон спустя три дня после мученической кончины своих супруга и сына¹⁶. Как и в случае с описанием двух предыдущих сновидений, ни момент сна, ни состояние сновидицы, ни момент пробуждения в тексте не обозначены. Повествование об увиденном начинается глаголом *vidi* (я увидела), и лишь из последующей главы читатель может понять, что речь шла о «ночном видении»¹⁷. Сон Квартиллозии начинается видением ее умершего сына¹⁸, после чего следует ряд символических образов: женщине является некий юноша необычайно высокого роста¹⁹ с двумя фиалами, наполненными молоком; юноша дает христианам пить, и молоко в сосудах не убывает²⁰; камень, разделяющий окно, и оконные решетки в темнице падают, так что становится виден небесный простор²¹; перед уходом юноша говорит, что вскоре мученикам будет дана и третья чаша.

В отличие от двух предыдущих снов, ограниченных лишь одним сюжетом и снабженных толкованием авторов послания, данное сновидение отличается заметным разнообразием как персонажей и образов, присутствующих в нем, так и отсутствием реакции на сон и его интерпретации, при том что само описание выглядит довольно реалистично. Каждый эпизод в сновидении Квартиллозии может пониматься либо дословно: сын приносит уверение, что Бог видит тяготы и страдания Своих рабов; небесный юноша укрепляет дух арестованных, предлагая им фиалы с небесным напитком, а окно, сквозь которое становится виден небесный простор, предвещает скорое освобождение от земных оков, либо символически. Тогда две чаши с молоком могут означать двух единоверцев арестованных (иподиакона Геренниана и оглашенного Януария), которые вскоре после сна Квар-

¹⁶ Pass. Mont. 8. 3–7: *Vidi, inquit, filium meum qui passus est venisse huc ad carcerem; qui sedens super labrum aquarium ait: Vidit Deus pressuram vestram et laborem. 4. et post hunc introivit iuvenis mirae magnitudinis qui ferebat fialas duas singulis manibus lacte plenas, et ait: Bono animo estote, commemoratus est vestri Deus. 5. Et ex fialis quas ferebat dedit omnibus bibere; quae fialae non deficiebant. 6. Et subito ablatus est lapis qui fenestram dividit medius; sed et clatri fenestrae, ipsius e medio ablati, liberam caeli faciem admiserant. 7. Et posuit iuvenis ille quas ferebat fialas, unam ad dexteram, alteram ad sinistram, et ait: Ecce exsatiati estis et abundat, et tertia adhuc fiala superveniet vobis. Et abiit.*

¹⁷ Pass. Mont. 9. 1: *Altera die quae post hanc visionem inluxit...*

¹⁸ Описание этой сцены напоминает эпизод из двух сновидений Перпетуи, в которых она видит своего умершего брата Динократа и бассейн, наполненный водой (Pass. Perp. 7. 8). На данном примере очевидно, что «Мученичество Перпетуи и Фелицитаты» оказало литературное влияние на Pass. Mont., однако резервуар с водой, на краю которого сидит сын Квартиллозии, в отличие от бассейна, из которого пытался напиться брат Перпетуи, не имеет символического значения, а отражает реалии тюрьмы и представляет собой вполне обычную емкость, откуда заключенные могли черпать воду.

¹⁹ Юноша необычайно высокого роста присутствует также в сновидениях, описанных в «Житии Киприана Карфагенского» (Vita Cypriani. 12, 3–9) и в «Мученичестве Мариана и Иакова» (Pass. Mariani et Iacobi. 7. 3) и выполняет там роль небесного посланника.

²⁰ Мелен считает, что молоко в сосудах, принесенных небесным посланником, представляет собой напиток бессмертия, который был дан и другим персонажам «африканских мученичеств» – правда, в виде воды (Pass. Mariani et Iacobi. 6. 14; Pass. Perp. 8.3; см.: Meslin 1972, 148–149).

²¹ Небесный простор, внезапно показавшийся сквозь тюремное окно, возможно, является аллюзией на слова первомученика и архидиакона Стефана, которые он произнес накануне кончины: «Вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» (Деян. 7. 56).

тиллозии принесли заключенным в темницу пропитание, о чем рассказывается в следующей главе (9). Еще более интересную интерпретацию предлагает Ама: по мнению исследовательницы, подобно матери двух сыновей Зеведеевых, которая просила Христа посадить ее сыновей по правую и по левую сторону от Себя в Царстве Небесном (Мф. 20. 20–23), Квартиллозия, возможно, также просила Бога за своего умершего мужа и сына; в таком случае, фиалы, поставленные юношей по правую и по левую сторону, символизируют исполнение ее просьбы, а третья фиала означает чашу страданий, уготованную для нее самой²².

Таким образом, описания первых трех снов в *Passio Montani* заметно отличаются между собой: в первом сновидении присутствуют только образы, во втором и в третьем – и образный, и словесный компоненты; первое сновидение связано с еще живущими на земле людьми, во втором появляется небесный посланник, в третьем – и фигура божественного плана, и умерший сын сновидицы; после первых двух снов следует положительная реакция (призыв к радости) тех, кому сны были рассказаны, и их интерпретация; третьему сну, напротив, предшествует небольшое объяснение в виде стиха из псалма, тогда как реакция на него отсутствует. Хотя по характеру описания и по содержанию эти три сна сильно разнятся между собой, их объединяет общая идея – укрепить веру будущих мучеников.

Совершенно иная мысль прослеживается в четвертом, самом ярком и запоминающемся сновидении, рассказ о котором завершает письмо арестованных христиан в *Passio Montani*. Это сновидение Монтана, которое выражает призыв к христианам сохранять мир и единомыслие между собой. После разногласия с Юлианом, одним из заключенных, по поводу некоей женщины, проникшей в церковную общину, Монтан видел ночью сон, рассказ о котором начинается уже стандартной формулировкой *ostensum est*²³. Исключительность этого сна состоит в том, что по дороге в рай сновидец внезапно останавливается, заглядывает в свою душу, видит сор и уже во сне сам объясняет смысл увиденного, толкуя его как неразрешенные земные разногласия²⁴. Таким образом, главная идея, которую заключенные хотели передать в своем письме единоверцам, идея братской любви между членами общины, наиболее ярко выражена в сне Монтана, которым заканчивается письмо.

Во второй части *Passio Montani* (12–23) центральной фигурой выступает Флавиан, который после казни своих спутников был вновь брошен в тюрьму для дальнейшего судебного разбирательства. Оставшись один, он скорбел о том, что не

²² Amat 1985, 144.

²³ Pass. Mont. 11. 1–5: *venisse ad nos centuriones. Cumque deducerent nos per viam longam, pervenimus in campum inmensum, in quo nobis occurrerunt Cyprianus et Leucius. 3. Pervenimus in locum candidum, et facta sunt vestimenta nostra candida et caro nostra conmutata candidior vestibis nostris candidis. 4. Ita autem perlucida fuit caro nostra ut oculorum visum ad intima cordis admitteret. Et respiciens in pectus meum video quasdam sordes, et expectatus sum in visione. 5. Et occurrit mihi Lucianus, et retuli illi visionem et ait illi: Scis quoniam sordes illae illud est quod non statim concordavi Iuliano?*

²⁴ Мертенс отмечает еще одну особенность, касающуюся бинарной структуры сновидений «африканских мученичеств», в которых за «темной» стороной онейрической реальности следует «светлая», в сновидении Монтана композиция строится диаметрально противоположным образом: сначала описывается «светлая» сторона, которая заключается в том, что Монтан попадает в удивительное светлое место и его одежда становится белоснежной, а плоть прозрачной. Затем следует «темная» сторона – Монтан видит в душе сор и понимает, что это его неразрешенный спор с Юлианом (Mertens 1986, 35–36).

разделил участь казненных, однако вскоре и ему был вынесен смертный приговор. Радуюсь, с одной стороны, тому, что и он обретет мученический венец, но, с другой стороны, испытывая страх и сомнения, Флавиан сообщает автору-редактору о своих снах и просит записать их (Pass. Mont. 21. 1–2). Описания снов Флавиана, которые автор называет *ostensiones*, наиболее лаконичны. В первом сне Флавиан беседует с знаменитым епископом Киприаном Карфагенским²⁵, пострадавшим осенью 258 г., который уверяет будущего мученика, что во время мучений тело не чувствует боли, так как душа пребывает с Богом на Небесах²⁶. Во втором сне Флавиану является некий муж, который также утешает его и предвещает славную кончину²⁷. В отличие от первых двух сновидений третий сон Флавиана более насыщен как персонажами, так и действиями²⁸: Флавиан видит епископа Суккеса в блистающих одеждах, двух воинов, ведущих его, Флавиана, на казнь, скопление людей, правителя, и, наконец, свою мать. Как и в первых двух сновидениях, Флавиан слышит обращенные к нему слова, однако на этот раз сам он ничего не говорит и ни о чем не спрашивает, так как все свои недоумения он разрешил в предыдущих снах. При этом важно отметить, что последнее сновидение, описанное в *Passio Montani* заканчивается словами матери Флавиана, призывающей собравшихся радоваться славной мученической кончине ее сына, и таким образом еще раз подчеркивается основной мотив всего произведения – мотив радости: будущие мученики должны радоваться ожидающим их наградам на Небесах, а читатели должны радоваться их стойкости в вере и стремиться подражать им.

Подводя итоги, следует отметить, что изображения снов в *Passio Montani* занимают важное место в композиции: в первой части произведения эпизоды со сновидениями составляют почти одну треть всего письма, а сны Флавиана, хотя и описаны в одной главе, являются ядром второй части *Passio Montani*. Очевидно, что авторы *Passio Montani* использовали рассказы о сновидениях не только для того, чтобы выразить главную идею всего произведения, идею славной мученической кончины, но также чтобы подчеркнуть важность того, что происходило с мучениками *hic et nunc*. При этом каждое из описанных сновидений имеет определенные функции: некоторые сны (сон Квартиллозии, второй сон Флавиана) прямо или символически предвещают будущее; другие, как сон Рена или Виктора, служат утешением и побуждением стойко переносить испытания; третьи, например, сон

²⁵ Епископ Киприан был первым африканским епископом, претерпевшим мученическую кончину за Христа, и служил примером для христианской общины Северной Африке. Не случайно его образ присутствует и в сновидениях, описанных в «Мученичестве Мариана и Иакова» (Pass. Mar. 6. 6–14).

²⁶ Pass. Mont. 21. 3–4: *quasi Cyprianum ipsum interrogarem an pati ictus doleret. 4. Qui mihi respondit et dixit: Alia caro patitur cum animus in caelo est, nec quicquam corpus hoc sentit cum se Deo tota mente devovit.*

²⁷ Pass. Mont. 21. 6: *contristabar in visu nocte quod quasi a conlegis meis remansissem. Et apparuit mihi vir quidam dicens: Quid contristaris? Cui cum causam tristitiae meae dicerem, ait: Contristaris? Bis confessor es, tertio martyr ad gladium.*

²⁸ Pass. Mont. 21. 8–11: *video venisse ad domum meam Successum episcopum, vultu pariter et cultu nimis claro et cuius effigies difficulter agnosceretur, eo quod carnales oculos angelico splendore percuteret. 9. Quem cum vix agnoscerem, ait mihi: Missus sum nuntiare tibi quod etiam tu passurus sis. Et cum dicto eius statim venerunt duo milites qui me perducerent. 10. Et perduxerunt me in locum quendam ubi erat fraternitatis multitudo collecta. Et cum ad praesidem admotus essem, duci iussus sum. 11. Et apparuit subito in medio plebis mater mea dicens: Laudate, laudate, quia nemo sic martyrium duxit.*

Монтана или первый сон Флавиана, отражают внутреннее состояние героев. Разнообразие форм, содержания и способов изображения снов говорит о значимости данного художественного приема в христианской литературе Северной Африке. Его важность сохранится и впоследствии, в частности в мученичествах дона-тистов²⁹, однако эта традиция заслуживает отдельного рассмотрения.

Литература

1. *Amat J.* 1985: *Songes et visions. L'au-delà dans la littérature latine tardive.* Paris.
2. *Dolbeau F.* 1983: *La Passion de Lucius et Montanus. Histoire et édition du texte // Revue des Études Augustiniennes.* 29, 39–82.
3. *Franchi de' Cavalieri P.* 1898: *Gli Atti dei SS. Montano, Lucio e compagni. Recensione del testo ed introduzione sulle sue relazioni con la Passio S. Perpetuae // Römische Quartalschrift. Splht.* 8, Roma, 71–86.
4. *Franchi de' Cavalieri P.* 1909: *Nuove osservazioni critiche ed esegetiche sul testo della Passio sanctorum Montani et Lucii // Franchi de' Cavalieri P. Note Agiografiche. Vol. 3. Roma (Studi e Testi. 22), 1–31.*
5. *Franchi de' Cavalieri P.* 1962: *Gli Atti dei SS. Montano, Lucio e compagni. Recensione del testo ed introduzione sulle sue relazioni con la Passio S. Perpetuae // Scritti agiografici. Vol. 1. Città del Vaticano (Studi e Testi. 221), 199–292.*
6. *Heffernan T. J.* 2012: *The Passion of Perpetua and Felicity.* Oxf., 60–61.
7. *Mertens C.* 1986: *Les premiers martyrs et leurs rêves: Cohésion de l'histoire des rêves dans quelques «Passions» latines d'Afrique du Nord // Revue d'histoire ecclésiastique.* 81, 5–46.
8. *Meslin M.* 1972: *Vases sacrés et boissons d'éternité dans les visions des martyrs africains // Epektasis: Mélanges patristiques offerts au Cardinal Jean Daniélou. P., 139–153.*
9. *Musurillo H.* 1972: *Acts of the Christian Martyrs / Ed. H. Musurillo.* Oxf.
10. *Tertullianus.* *De anima // Tertulliani opera.* Turnholti, 1954. Pars 2: *Opera Montanistica, 849–855 (Corpus Christianorum. Series Latina; 2) Рус. пер.: Тертуллиан. О душе / Пер. с лат. А.Ю. Братухина. СПб., 2004.*

THE POETICS OF DREAMS IN THE «MARTYRDOM OF MONTANUS, LUCIUS AND FLAVIANUS»

A. N. Kryukova

The article deals with the poetics of dreams in the «Martyrdom of Montanus, Lucius and Flavianus» (second half of the 3rd century AD).

The author considers depicting dreams as a special literary device and tries to determine its place in the composition and its functions, as well as the means used by the hagiographer to describe the dreams of martyrs.

Keywords: early Christian literature, hagiography, martyrdom, dreams in literature.

²⁹ *Pass. Marculi // PL. 8. Col. 763; Pass. Maximiani et Isaac // PL. 8. Col. 771.*